

КУЛЬТУРА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

«Заходите, пожалуйста. Это стол поэта. Кушетка поэта. Книжный шкаф. Умывальник. Кровать. Это цитра. Окно прикрывать. Вот любимое кресло. Покойный был ценителем жизни спокойной». Этим ироническим стихотворением «Дом-музей» Давид Самойлов будто предсказал ту фантастическую ситуацию, которая ждала память о нем и его вдове после его смерти. И будто оставил ей завещание: не относиться всерьез ко всякому рода увековечиваниям... «Смерть поэта — последний раздел. Не толпитесь перед гардеробом...».

Лидия Графова: Вот уж не представляла, Галина Ивановна, что придется с вами вести эту печальную беседу, что вы окажетесь беженкой, изгнанной из вашей любимой Эстонии...

Галина Самойлова: Меня никто не выгонял. Я сама приняла решение уехать. В том психологическом климате, который установился в Эстонии, жить очень тяжело. И, кстати, не только русским. Разумному большинству эстонской интеллигенции тоже нелегко. Я думаю, если бы Давид Самойлович был жив, он бы уехал, не раздумывая.

Л. Г. Но вы-то собирались там оставаться, вы создавали музей... Внезапное решение об отъезде встревожило всех ваших московских друзей. Мы не могли понять, как это вдруг...

Г. С. Я и раньше чувствовала обреченность своего дела, но считала себя связанной определенными обязательствами. Ведь идея создания музея Самойлова исходила от властей города Пярну. На поминках (кстати сказать, все хлопоты с организацией поминков и похорон город взял на себя) прозвучало: хорошо бы в этом городе, который Самойлов воспринимал во многих стихах, открыть его музей. Я не придавала этому особого значения — мало ли что говорят, расчувствовавшись на поминках. Но ровно через три недели мне принесли из мэрии постановление о создании музея.

...Никогда не забыть тот черный день 23 февраля 1990-го, когда в Москву пришла весть о кончине поэта. Он умер так же легко и прекрасно, как и прежде, в Таллинском театре вел вечер Бориса Пастернака, произнес вдохновенную речь, зашел за кулисы, сел в кресло и вдруг упал. Сердце! Он, поэт-фронтоник, давно страдал тяжелой болезнью сердца, но до последнего мига жил полноценной жизнью. Когда врач-реаниматор, оказавшийся в зрительном зале, сумел, массируя сердце, на мгновение вернуть Самойлова в сознание, поэт попрощался с миром словами, прозвучавшими в последние минуты его жизни: «Он весь дитя добра и света, он весь свободы торжество» — эти строки, сказанные когда-то Пушкиным, не раз адресовались и Самойлову на его творческих вечерах, прозвучавших и над его гробом в Московском ЦДЛ, куда поспешно с почетом шли и шли тысячи его знакомых и незнакомых друзей. На главной сцене стоял гроб, обтянутый серым репом, с огромными свечами в старинных подсвечниках по углам. Все мы, любившие Самойлова, с благодарностью думали тогда об эстонских властях, сумевших так быстро и заботливо организовать для нас прощание с поэтом, тем более, что эти печальные хлопоты совпали с праздником — 24 февраля Эстония впервые отпечата день своей независимости.

После кремации прах поэта вернулся из Москвы в уютный городок Пярну, где прошли последние 15 лет жизни Самойлова, где у семьи был дом, в котором выросли трое детей, а на живописном Пярнском илабиде была фамильная могила (там похоронена мать поэта).

Г. С. Последней точкой в моих отношениях с Пярну стал поход в иммиграционный департамент. Там меня оскорбили так, как никто в жизни еще не оскорблял. Я была потрясена, что вопросы культуры ре-

шаются на таком кухонном уровне.

Л. Г. Давайте «размотаем» провинциальную интригу с самого начала...

Г. С. Знаете, все происходило на таком низменном уровне, что многие люди, узнав из газет внешнюю канву событий, звонят мне и спрашивают: неужели это правда? Я и сама сперва не могла поверить... Ведь мы с Давидом Самойловичем привыкли к тому, что если эстонцы что-то делают, они делают это с великолепной точностью и коррект-

Лидия
Графова

Провинциальная интрига

ностью. Для них просто не существует: «ах, не могу» и вообще никакие эмоции в деловых отношениях не допускаются...

Л. Г. Насколько мне известно, музей Самойлова вы делали в одиночку?

Г. С. По сути так. Хотя был создан общественный совет, и директор Пярнуского краеведческого музея помогал мне консультациями. Ни одну из официальных инстанций я за два года ни разу не побеспокоила. Деньги на экспонаты, как вы знаете, собрали друзья. Но вот музей был готов, хотелось открыть его ко дню рождения Давида Самойловича — к первому июня (кстати, это начало курортного сезона в Пярну), и я пошла в мэрию...

Л. Г. Ее возглавляет тот самый человек издавший постановление о музее?

Г. С. Нет, мэра переизбрали. Но остался прежний зам, с которым мы тоже были знакомы. Я пошла к нему с двумя вопросами. Во-первых, о судьбе музея: что он такое — частная инициатива или учреждение, входящее в сферу культурных интересов города? Во-вторых, меня заботило мое правовое положение — ведь приближалась закрытие границы, обмен денег... Мои бытовые вопросы он как бы не заметил, сразу заговорил о музее. Зная эстонскую деловитость, я сочла, что мои личные проблемы разрешатся сами собой одновременно с судьбой музея.

Л. Г. Вы просили вид на жительство или эстонское гражданство?

Г. С. Я ничего не просила. Мне казалось, что музей, создаваемый мною для города, уже и есть мой «вид» на жительство. Заместитель мэра пообещал, что статус музея будет в ближайшее время рассмотрен на какой-то комиссии. Через три недели ко мне пришла юная симпатичная секретарша из общества «Культурный капитал». (Интересное название — не правда ли?) Оказалось, этот «капитал» занимается теперь всеми вопросами культуры в Пярну, и я должна доложить секретарше все свои музейные заботы. Она все аккуратно записала и в свою очередь должна была доложить на заседании правления «капитала». Такой заочный способ решения судьбы музея меня, мягко говоря, удивил. Ведь в Пярну, где бывают тысячи ту-

ристов, зайти им, кроме краеведческого музея, некуда. Музей Самойлова мог бы стать еще одним «очагом»... Но тем визитом секретарши все и закончилось.

Л. Г. Даже никто не позвонил?

Г. С. Никто. Ни разу. В иммиграционный департамент я пошла где-то через месяц с чисто утилитарной целью: как мне получить визу для поездки в Москву и возвращения обратно? Двое моих детей живут в Москве, со мною — сын, больной от рождения, его нужно было вести на прохождение ВТЭКа... Начальница иммиграционного департамента, типичная партама, прямо с порога начала меня отчитывать. Оказалось, мы с сыном уже год проживаем на территории независимой Эстонии незакон-

но, значит — из мэрии. Видимо, мэру и его заму было неловко ронять престиж города, отказывая мне в музее, вот они и сделали это чужими руками.

Л. Г. И теперь — получаете — вы сами виноваты, что уехали?

Г. С. Я спросила: что я должна сделать, чтобы узаконить мое проживание? Она протянула мне анкету — нужно ее заполнить... Нужно сообщить массу сведений о себе и своих родственниках, включая внуков и девичью фамилию моей матери. Нужно сдать анализы на туберкулез и СПИД, принести справку из психдиспансера... И когда я все это проделаю, я должна снова прийти к ней, к начальнице, и она отдаст мои документы на какую-то комиссию. «А вы зна-

ете, какая там очередь!» Оказывается, на два с половиной года, а квота — всего 14 человек в квартал. «Ну, уж если ваш муж такой знаменитый, вам, может быть, сделают побыстрее...»

Л. Г. Что сделают?

Г. С. Ну эту временную прописку на шесть месяцев.

Л. Г. А потом все снова?

Г. С. Через каждые шесть месяцев нужно являться в этот иммиграционный департамент и ставить штамп о продлении прописки. Если следовало их логику, я, значит, еще два с половиной года вынуждена жить незаконно, чтобы потом на шесть месяцев себя узаконить... А до тех пор я не могу ни выехать (нет визы), ни остаться, не имея права обменять свои рубли на кроны, купить хлеб в магазине... Автоматически я заплатила 20 рублей за этот листок анкеты, вышла на улицу, добрела до скамейки, там два приезжих бизнесмена толковали о своих делах, спросили у меня: где здесь море? Я не смогла ответить, для меня не существовало ни моря, ни неба, только этот разговор...

...«В Пярну легкие снега. Так свободно и счастливо! Ни одна еще нога не ступала вдоль залива». Биография Самойлова называют пярнуский период его творчества «многолетней болдинской осенью». «Я сделал свой выбор. Я выбрал залив, тревоги и беды от нас отделились...»

Лет десять назад мне посчастливилось посетить их дом и как сейчас вижу наши веселые прогулки по Пярну. Поэт, уже тогда потерявший большую часть зрения, ходил с тростью, водил нас вдоль своего любимого залива и рассказывал о жившем здесь когда-то Ганнибале, как о современнике. Он шел почти что наугад, но какой же изысканной была его походка, легкой — как те летящие пярнуские снега...

Г. С. Наши эстонские друзья были в шоке, призывали меня бороться за музей, но я не сделала ни шагу. И других удерживало: зачем идти по закрытому следу? Насильственное втискивание в эстонские рамки памяти о Самойлове было бы искажением пропорций его личности. Ну, судите сами: директор школы, где раньше изучали русский, с торжеством объявляет ученикам: «Наконец-то мы вывели, изгнали этот язык!» Да, я давно чувствовала чужеродность музея, ведь произошло разлучение адресата с вестью, но утешала себя: мой дом — моя крепость. Теперь этот смрад ворвался и внутрь дома. Раньше меня поддерживали сами стены, где все осталось, как при Давиде Самойловиче. Теперь я потеряла образ жизни. Тотальное одиночество...

«Не могу слышать эти слова: «музей» и «эстонская виза»...», — говорит вдова поэта Давида Самойлова.

но! Это грубое нарушение. Получилось, нас надо бы оштрафовать! Я ничего не могла понять, она совала мне приятный год назад закон об иммиграции, чтобы я тут же, при ней, его изучила.

Л. Г. А вы о нем не знали?

Г. С. Читала, конечно, в газете. Но, во-первых, пойдя разбираться в этих юридических хитросплетениях. А во-вторых, мне в голову не пришло, что закон об иммиграции может относиться ко мне. 17 лет мы прожили в доме, который является нашей частной собственностью... «Наличие собственности не дает никаких преимуществ!» — заявила начальница.

Л. Г. Какой же это абсурд: человек живет в своем доме, но не имеет, значит, права жить в ставшей чужой стране.

Г. С. Я искренне не могла этого понять, а она все больше возмущалась, посылала меня, раз я такая непонятливая, в Таллинн в центральный иммиграционный департамент. «Когда мы жили в Советском Союзе, мы уважали ваши законы, а теперь вы будете уважать наши!»

Ни к оккупантам, ни к колонистам причислить себя я не могла. Мы с Давидом Самойловичем всегда помнили, что мы в Эстонии гости и старались исполнять все здешние порядки и обычаи. Он любил мелодичный эстонский язык, перевел на русский многих местных поэтов.

Л. Г. Начальница понимала, что она говорит с вдовой Самойлова?

Г. С. Я не сочла возможным в таком разговоре упомянуть о музее или о могиле мужа. Но она прекрасно знала, кто я, впрочем, проговорила: обо мне ей познано «сверху». Видимо, отсюда же, «сверху», ей и продиктовали сценарий разговора со мной. Сама бы она на такое не решилась.

Л. Г. Откуда же «сверху»?

Г. С. Поскольку нигде, кроме мэрии, я до этого не бы-

ла, значит — из мэрии. Видимо, мэру и его заму было неловко ронять престиж города, отказывая мне в музее, вот они и сделали это чужими руками.

Л. Г. И теперь — получаете — вы сами виноваты, что уехали?

Г. С. Я спросила: что я должна сделать, чтобы узаконить мое проживание? Она протянула мне анкету — нужно ее заполнить... Нужно сообщить массу сведений о себе и своих родственниках, включая внуков и девичью фамилию моей матери. Нужно сдать анализы на туберкулез и СПИД, принести справку из психдиспансера... И когда я все это проделаю, я должна снова прийти к ней, к начальнице, и она отдаст мои документы на какую-то комиссию. «А вы зна-

ете, какая там очередь!» Оказывается, на два с половиной года, а квота — всего 14 человек в квартал. «Ну, уж если ваш муж такой знаменитый, вам, может быть, сделают побыстрее...»

Л. Г. Что сделают?

Г. С. Ну эту временную прописку на шесть месяцев.

Л. Г. А потом все снова?

Г. С. Через каждые шесть месяцев нужно являться в этот иммиграционный департамент и ставить штамп о продлении прописки. Если следовало их логику, я, значит, еще два с половиной года вынуждена жить незаконно, чтобы потом на шесть месяцев себя узаконить... А до тех пор я не могу ни выехать (нет визы), ни остаться, не имея права обменять свои рубли на кроны, купить хлеб в магазине... Автоматически я заплатила 20 рублей за этот листок анкеты, вышла на улицу, добрела до скамейки, там два приезжих бизнесмена толковали о своих делах, спросили у меня: где здесь море? Я не смогла ответить, для меня не существовало ни моря, ни неба, только этот разговор...

...«В Пярну легкие снега. Так свободно и счастливо! Ни одна еще нога не ступала вдоль залива». Биография Самойлова называют пярнуский период его творчества «многолетней болдинской осенью». «Я сделал свой выбор. Я выбрал залив, тревоги и беды от нас отделились...»

Лет десять назад мне посчастливилось посетить их дом и как сейчас вижу наши веселые прогулки по Пярну. Поэт, уже тогда потерявший большую часть зрения, ходил с тростью, водил нас вдоль своего любимого залива и рассказывал о жившем здесь когда-то Ганнибале, как о современнике. Он шел почти что наугад, но какой же изысканной была его походка, легкой — как те летящие пярнуские снега...

Г. С. Наши эстонские друзья были в шоке, призывали меня бороться за музей, но я не сделала ни шагу. И других удерживало: зачем идти по закрытому следу? Насильственное втискивание в эстонские рамки памяти о Самойлове было бы искажением пропорций его личности. Ну, судите сами: директор школы, где раньше изучали русский, с торжеством объявляет ученикам: «Наконец-то мы вывели, изгнали этот язык!» Да, я давно чувствовала чужеродность музея, ведь произошло разлучение адресата с вестью, но утешала себя: мой дом — моя крепость. Теперь этот смрад ворвался и внутрь дома. Раньше меня поддерживали сами стены, где все осталось, как при Давиде Самойловиче. Теперь я потеряла образ жизни. Тотальное одиночество...

Л. Г. Неужели никто из официальных лиц так и не извинился перед вами за грубость той начальницы?

Г. С. Вы до сих пор не понимаете... Суть интриги в том и состояла, чтобы вынудить меня по собственному желанию освободить город Пярну. Никаких отказов о музее я не получала. Более того, мне передавали, якобы министр культуры Эстонии недоумевал: а почему она не добивается эстонского гражданства? Это все равно, что нашим обнищавшим и замученным людям сегодня сказать: а почему вы не хотите быть богатыми и счастливыми?

Л. Г. Мне кажется, европейское сообщество скоро поймет дискриминационность эстонского и латвийского законов о гражданстве и применит к

в том, что выезжающие обязаны составить подробный список вывозимого имущества (вплоть до простыней и вилок!) и заверить его. У нас только книг получилось более 70 коробок. Так вот, чиновница мэрии посоветовала: почему мы не сосчитали, сколько томов в каждой коробке... Это — все, «сэ он кык», как говорят эстонцы.

Л. Г. Вы возненавидели Эстонию?

Г. С. Я сострадаю ей. Мне больно за людей, которые по вине политиков попали в состояние такой моральной опасности. Со многими эстонскими друзьями я буду поддерживать отношения до конца своих дней. Сам город Пярну мне по-прежнему дорог. И не только потому, что там могила моего мужа. Ведь там прошли

многие счастливые годы нашей жизни, и этой памяти у меня никто не отберет. Никакие амбарные замки на границе...

Л. Г. В чем вы видите моральную опасность для эстонцев?

Г. С. Ну, во-первых, страна, которая только что с муками избавилась от советского тоталитарного молота, завела такую низкопробную бюрократическую рутину, что оторопет берет. Во-вторых, и это главное, — провинциальная замкнутость, равнодушие ко всему на свете.

Л. Г. Вы имеете в виду культуру? Но сегодня, когда люди кипят в диком рыночном котле, по всей территории бывшего Союза с культурой глуховато...

Г. С. Я с болью думаю, как переживет Эстония эту трудную зиму. При отсутствии топлива, при бешеных ценах на нефтепродукты... Все это им придется закупать на валюту. Я часто слышала, как в республике, гордящейся своей независимостью, обвиняют Россию: почему Россия нам не дает того-то или того-то. Нелепо, право же... Я не раз спорила с эстонскими интеллигентами: ну, хорошо, вы изгоняете русскую культуру, она всегда вам была чужда, эстонский этнос психологически ориентирован на Запад, но почему же не видно сегодня притока западной культуры? На чем вы будете воспитывать молодежь? Эстонцы очень гордятся своей культурой. Это хорошо. Но отвернуться от Востока и ничего духовно не взять у Запада — значит замкнуться, обречь себя на провинциализм, изоляционистское самочувствие. За все последнее время я встретила только одну статью писателя Яана Каплинского, который восстает против этой угрозы. Он пишет, что нельзя его лишить ни западной, ни восточной культуры, потому что тогда он будет не он...

Л. Г. Все время кажется, что это националистическое бешенство, которым заражены сегодня почти все бывшие республики, вот-вот пройдет...

Г. С. Не думаю, что это пройдет скоро. Люди ведь изнутри меняются. Нравственная пригнетность людей, боящихся поднять голос, — таков неожиданный результат отвоєванной свободы. Ну, представьте: этим летом в Таллинне и Тарту были разгромлены еврейские кладбища. Факт невероятный, в Эстонии никогда не было антисемитизма. Но интеллигенция никак на это не прореагировала, печать промолчала...

Л. Г. Очень обидно, что уже готовый музей лежит теперь в этих ящиках, заргорожда всю московскую квартиру. И жить вам по сути нигде, и музея нет.

Г. С. Я не могу слышать эти слова: «музей» и «эстонская виза». Что поделать, если Эстония не созрела до бескорыстия, при котором могла бы хранить память о поэте, оставившем след на ее земле. Пускай созревает, пускай становится цивилизованным, гуманным и процветающим государством. Я ей всячески желаю добра.

Л. Г. Неужели никто из официальных лиц так и не извинился перед вами за грубость той начальницы?

Г. С. Вы до сих пор не понимаете... Суть интриги в том и состояла, чтобы вынудить меня по собственному желанию освободить город Пярну. Никаких отказов о музее я не получала. Более того, мне передавали, якобы министр культуры Эстонии недоумевал: а почему она не добивается эстонского гражданства? Это все равно, что нашим обнищавшим и замученным людям сегодня сказать: а почему вы не хотите быть богатыми и счастливыми?

Л. Г. Мне кажется, европейское сообщество скоро поймет дискриминационность эстонского и латвийского законов о гражданстве и применит к

многие счастливые годы нашей жизни, и этой памяти у меня никто не отберет. Никакие амбарные замки на границе...

Л. Г. В чем вы видите моральную опасность для эстонцев?

Г. С. Ну, во-первых, страна, которая только что с муками избавилась от советского тоталитарного молота, завела такую низкопробную бюрократическую рутину, что оторопет берет. Во-вторых, и это главное, — провинциальная замкнутость, равнодушие ко всему на свете.

Л. Г. Вы имеете в виду культуру? Но сегодня, когда люди кипят в диком рыночном котле, по всей территории бывшего Союза с культурой глуховато...

Г. С. Я с болью думаю, как переживет Эстония эту трудную зиму. При отсутствии топлива, при бешеных ценах на нефтепродукты... Все это им придется закупать на валюту. Я часто слышала, как в республике, гордящейся своей независимостью, обвиняют Россию: почему Россия нам не дает того-то или того-то. Нелепо, право же... Я не раз спорила с эстонскими интеллигентами: ну, хорошо, вы изгоняете русскую культуру, она всегда вам была чужда, эстонский этнос психологически ориентирован на Запад, но почему же не видно сегодня притока западной культуры? На чем вы будете воспитывать молодежь? Эстонцы очень гордятся своей культурой. Это хорошо. Но отвернуться от Востока и ничего духовно не взять у Запада — значит замкнуться, обречь себя на провинциализм, изоляционистское самочувствие. За все последнее время я встретила только одну статью писателя Яана Каплинского, который восстает против этой угрозы. Он пишет, что нельзя его лишить ни западной, ни восточной культуры, потому что тогда он будет не он...

Л. Г. Все время кажется, что это националистическое бешенство, которым заражены сегодня почти все бывшие республики, вот-вот пройдет...

Г. С. Не думаю, что это пройдет скоро. Люди ведь изнутри меняются. Нравственная пригнетность людей, боящихся поднять голос, — таков неожиданный результат отвоєванной свободы. Ну, представьте: этим летом в Таллинне и Тарту были разгромлены еврейские кладбища. Факт невероятный, в Эстонии никогда не было антисемитизма. Но интеллигенция никак на это не прореагировала, печать промолчала...

Л. Г. Очень обидно, что уже готовый музей лежит теперь в этих ящиках, заргорожда всю московскую квартиру. И жить вам по сути нигде, и музея нет.

Г. С. Я не могу слышать эти слова: «музей» и «эстонская виза». Что поделать, если Эстония не созрела до бескорыстия, при котором могла бы хранить память о поэте, оставившем след на ее земле. Пускай созревает, пускай становится цивилизованным, гуманным и процветающим государством. Я ей всячески желаю добра.

Л. Г. Неужели никто из официальных лиц так и не извинился перед вами за грубость той начальницы?

Г. С. Вы до сих пор не понимаете... Суть интриги в том и состояла, чтобы вынудить меня по собственному желанию освободить город Пярну. Никаких отказов о музее я не получала. Более того, мне передавали, якобы министр культуры Эстонии недоумевал: а почему она не добивается эстонского гражданства? Это все равно, что нашим обнищавшим и замученным людям сегодня сказать: а почему вы не хотите быть богатыми и счастливыми?

Л. Г. Мне кажется, европейское сообщество скоро поймет дискриминационность эстонского и латвийского законов о гражданстве и применит к

многие счастливые годы нашей жизни, и этой памяти у меня никто не отберет. Никакие амбарные замки на границе...

Л. Г. В чем вы видите моральную опасность для эстонцев?

Г. С. Ну, во-первых, страна, которая только что с муками избавилась от советского тоталитарного молота, завела такую низкопробную бюрократическую рутину, что оторопет берет. Во-вторых, и это главное, — провинциальная замкнутость, равнодушие ко всему на свете.

Л. Г. Вы имеете в виду культуру? Но сегодня, когда люди кипят в диком рыночном котле, по всей территории бывшего Союза с культурой глуховато...

Г. С. Я с болью думаю, как переживет Эстония эту трудную зиму. При отсутствии топлива, при бешеных ценах на нефтепродукты... Все это им придется закупать на валюту. Я часто слышала, как в республике, гордящейся своей независимостью, обвиняют Россию: почему Россия нам не дает того-то или того-то. Нелепо, право же... Я не раз спорила с эстонскими интеллигентами: ну, хорошо, вы изгоняете русскую культуру, она всегда вам была чужда, эстонский этнос психологически ориентирован на Запад, но почему же не видно сегодня притока западной культуры? На чем вы будете воспитывать молодежь? Эстонцы очень гордятся своей культурой. Это хорошо. Но отвернуться от Востока и ничего духовно не взять у Запада — значит замкнуться, обречь себя на провинциализм, изоляционистское самочувствие. За все последнее время я встретила только одну статью писателя Яана Каплинского, который восстает против этой угрозы. Он пишет, что нельзя его лишить ни западной, ни восточной культуры, потому что тогда он будет не он...

Л. Г. Все время кажется, что это националистическое бешенство, которым заражены сегодня почти все бывшие республики, вот-вот пройдет...

Г. С. Не думаю, что это пройдет скоро. Люди ведь изнутри меняются. Нравственная пригнетность людей, боящихся поднять голос, — таков неожиданный результат отвоєванной свободы. Ну, представьте: этим летом в Таллинне и Тарту были разгромлены еврейские кладбища. Факт невероятный, в Эстонии никогда не было антисемитизма. Но интеллигенция никак на это не прореагировала, печать промолчала...

Л. Г. Очень обидно, что уже готовый музей лежит теперь в этих ящиках, заргорожда всю московскую квартиру. И жить вам по сути нигде, и музея нет.

Г. С. Я не могу слышать эти слова: «музей» и «эстонская виза». Что поделать, если Эстония не созрела до бескорыстия, при котором могла бы хранить память о поэте, оставившем след на ее земле. Пускай созревает, пускай становится цивилизованным, гуманным и процветающим государством. Я ей всячески желаю добра.

Л. Г. Неужели никто из официальных лиц так и не извинился перед вами за грубость той начальницы?

Г. С. Вы до сих пор не понимаете... Суть интриги в том и состояла, чтобы вынудить меня по собственному желанию освободить город Пярну. Никаких отказов о музее я не получала. Более того, мне передавали, якобы министр культуры Эстонии недоумевал: а почему она не добивается эстонского гражданства? Это все равно, что нашим обнищавшим и замученным людям сегодня сказать: а почему вы не хотите быть богатыми и счастливыми?

Л. Г. Мне кажется, европейское сообщество скоро поймет дискриминационность эстонского и латвийского законов о гражданстве и применит к

многие счастливые годы нашей жизни, и этой памяти у меня никто не отберет. Никакие амбарные замки на границе...

Л. Г. В чем вы видите моральную опасность для эстонцев?

Г. С. Ну, во-первых, страна, которая только что с муками избавилась от советского тоталитарного молота, завела такую низкопробную бюрократическую рутину, что оторопет берет. Во-вторых, и это главное, — провинциальная замкнутость, равнодушие ко всему на свете.

Л. Г. Вы имеете в виду культуру? Но сегодня, когда люди кипят в диком рыночном котле, по всей территории бывшего Союза с культурой глуховато...

Г. С. Я с болью думаю, как переживет Эстония эту трудную зиму. При отсутствии топлива, при бешеных ценах на нефтепродукты... Все это им придется закупать на валюту. Я часто слышала, как в республике, гордящейся своей независимостью, обвиняют Россию: почему Россия нам не дает того-то или того-то. Нелепо, право же... Я не раз спорила с эстонскими интеллигентами: ну, хорошо, вы изгоняете русскую культуру, она всегда вам была чужда, эстонский этнос психологически ориентирован на Запад, но почему же не видно сегодня притока западной культуры? На чем вы будете воспитывать молодежь? Эстонцы очень гордятся своей культурой. Это хорошо. Но отвернуться от Востока и ничего духовно не взять у Запада — значит замкнуться, обречь себя на провинциализм, изоляционистское самочувствие. За все последнее время я встретила только одну статью писателя Яана Каплинского, который восстает против этой угрозы. Он пишет, что нельзя его лишить ни западной, ни восточной культуры, потому что тогда он будет не он...

Л. Г. Все время кажется, что это националистическое бешенство, которым заражены сегодня почти все бывшие республики, вот-вот пройдет...

Г. С. Не думаю, что это пройдет скоро. Люди ведь изнутри меняются. Нравственная пригнетность людей, боящихся поднять голос, — таков неожиданный результат отвоєванной свободы. Ну, представьте: этим летом в Таллинне и Тарту были разгромлены еврейские кладбища. Факт невероятный, в Эстонии никогда не было антисемитизма. Но интеллигенция никак на это не прореагировала, печать промолчала...

Л. Г. Очень обидно, что уже готовый музей лежит теперь в этих ящиках, заргорожда всю московскую квартиру. И жить вам по сути нигде, и музея нет.

Г. С. Я не могу слышать эти слова: «музей» и «эстонская виза». Что поделать, если Эстония не созрела до бескорыстия, при котором могла бы хранить память о поэте, оставившем след на ее земле. Пускай созревает, пускай становится цивилизованным, гуманным и процветающим государством. Я ей всячески желаю добра.

Л. Г. Неужели никто из официальных лиц так и не извинился перед вами за грубость той начальницы?

Г. С. Вы до сих пор не понимаете... Суть интриги в том и состояла, чтобы вынудить меня по собственному желанию освободить город Пярну. Никаких отказов о музее я не получала. Более того, мне передавали, якобы министр культуры Эстонии недоумевал: а почему она не добивается эстонского гражданства? Это все равно, что нашим обнищавшим и замученным людям сегодня сказать: а почему вы не хотите быть богатыми и счастливыми?

Л. Г. Мне кажется, европейское сообщество скоро поймет дискриминационность эстонского и латвийского законов о гражданстве и применит к

многие счастливые годы нашей жизни, и этой памяти у меня никто не отберет. Никакие амбарные замки на границе...

Л. Г. В чем вы видите моральную опасность для эстонцев?

Г. С. Ну, во-первых, страна, которая только что с муками избавилась от советского тоталитарного молота, завела такую низкопробную бюрократическую рутину, что оторопет берет. Во-вторых, и это главное, — провинциальная замк